

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-279-295

Сельско-городская миграция на Крымском полуострове*

Т.Ю. Гусаков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Аннотация. Несмотря на широкую известность Крымского региона, его научные описания полны пробелов. В советский период исследования ограничивали негласные запреты на изучение социальных процессов и отсутствие сильной научной школы. После распада СССР отдельные крымские сюжеты встречались лишь в работах об острых социальных аспектах миграций и искусственных преобразованиях этно-конфессионального состава населения. Изменение статуса Крымского полуострова в 2014 году актуализировало значение региона в российской науке — на сегодняшний день опубликовано множество статей, раскрывающих особенности социально-экономического развития полуострова, но ряд вопросов в жизни Крыма все еще мало изучен. Один из них — миграционные процессы на полуострове: если исторические этнические миграции достаточно хорошо проработаны, то современные перемещения населения редко попадают в фокус исследовательского интереса. Исторически миграционные процессы играли важную роль в социально-экономическом развитии Крыма. Но если до недавнего времени драйвером развития выступали внешние миграции, то с начала XXI века эту роль стали играть миграционные перемещения населения внутри полуострова, и их особенности необходимо учитывать в планировании и финансировании проектов по развитию сельских территорий. Сельская местность Крыма остается аграрно-перенаселенной, поэтому нужно понимать, какие территории перспективны для капитальных вложений, а какие в скором времени окажутся депопулированными вследствие отсутствия возможностей для раскрытия человеческого и социального капитала. Автор исследует процессы обмена населением между городской и сельской местностью как один из наиболее значимых факторов для демографической ситуации полуострова. В статье рассмотрены причины и особенности пространственной мобильности и миграционного движения населения Крыма на основе анализа статистических данных и транспортных связей города и сельской местности.

Ключевые слова: социальная география; география сельской местности; сельская местность; миграция населения; сельско-городские миграции; урбанизация; сельско-городской континуум

В советское время изучение социального развития Крыма было под негласным запретом, однако и во времена независимой Украины немногие его аспекты были раскрыты, что предоставило современным ученым широкое поле для деятельности. Безусловно, уже проведено множество исследований,

* © Гусаков Т.Ю., 2021

Статья поступила 22.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

но большинство посвящены этническому составу, депортациям, репатриациям и вынужденным миграциям населения, тогда как особенности повседневной жизни редко попадали в фокус внимания социологов, географов, экономистов и представителей других отраслей научного знания.

Одним из важнейших для Крыма социальных процессов испокон веков являлось механическое движение населения — миграции: это перемещение, переселение, перемена людьми места жительства на постоянный срок или длительное время, которая обусловлена разными причинами [21]. Не все ученые согласны с таким определением [20], но в задачи статьи не входит уточнение границ понятия миграции.

Крымский полуостров исторически являлся центром социально-экономического развития Причерноморского и Приазовского регионов. По его территории проходили маршруты миграций во времена Великого переселения народов, Великого шелкового пути и другие важные торговые артерии. Исторически частая смена владельцев Крыма и была обусловлена прохождением через полуостров одного из главных миграционных каналов, соединяющих Европу и Азию, а в дальнейшем — соприкосновением сфер влияния империй. Миграционные каналы давно изменили маршруты и все чаще пролегают через Средиземное море, территорию Турции и Балканских государств, империи распались на национальные государства, но Крым неизменно переживал всплески миграций — по культурным, религиозным, этническим или экономическим причинам.

Перемещения по полуострову этнических групп определили социальную структуру крымского населения. Наиболее значимые коррективы были внесены в нее в советское время, когда некоторые этносы были депортированы, а их нишу заняли переселенцы из других регионов СССР. Сегодня основу крымского общества составляют русские и украинцы — потомки переселенцев XIX–XX веков, а также крымские татары, репатрианты 1990-х годов и их потомки. С течением времени менялись и векторы миграции на полуострове: если для XIX века были характерны международные миграции, то в XX веке наблюдались в основном межрегиональные переселения, а XXI веке — внутренние миграции. Как правило, исследователи сосредоточены на политизированных миграциях XIX–XX веков, а не на сельско-городских миграциях — переселении населения из сельской местности в городскую, и наоборот. Признавая обоснованность концепции сельско-городского континуума [24], в статье под сельской местностью будет пониматься все, что не город [18], т.е. территории сельских поселений, соответственно, город — это все, что не село, т.е. городские округа. По этому принципу и поселки городского типа также отнесены к сельской местности.

Распад Советского Союза, переход к рыночной экономике, завершение активной фазы репатриации депортированных народов, изменение структуры регионального хозяйства обусловили возникновение центров социально-экономического роста и периферии. Наличие огромного сельского населения в

условиях существования коллективных хозяйств выглядело логичным и рациональным, но после исчезновения колхозов и совхозов множество сельских жителей оказались «лишними». Безработица в сельской местности и рост третичного сектора в городах вызвал закономерный переток сельского населения в города. Почему важно понимать причины и масштабы сельско-городской миграции в Крыму? Потому что после 2014 года регион стал одним из главных получателей трансфертов из федерального бюджета, и значительная часть этих средств была направлена на развитие сельской местности (реконструкцию и восстановление инфраструктуры, поддержку сельхозпроизводителей, местных сообществ и пр.). Однако финансовые вложения незначительно изменили характер сельско-городской миграции, поскольку при распределении финансирования необходимо учитывать факторы и тенденции миграции и просчитывать сценарии социально-экономического развития территорий. Безусловно, следует избегать советской ошибки — выделения «неперспективных деревень», но понимать перспективы населенных пунктов необходимо. Лозунг «Дом культуры — в каждое село!», озвученный властями одного сельского района Крыма, вряд ли сможет сегодня удержать селян.

Миграции сельского населения на Западе перестают быть актуальной темой по причине снижения ее влияния на социально-экономическое развитие стран и регионов. Зарубежных ученых сегодня интересуют не общие показатели миграции, а отдельные ее аспекты, например, старение населения периферийных районов за счет оттока молодежи в крупные города [25; 28] и притока пожилых людей [29], влияние миграционных процессов на социально-экономическое состояние сельской местности [27]. Как правило, исследования основываются на доступных и детальнейших статистических данных о механическом движении населения, тогда как ограниченная советская статистика затрудняла оценку сельско-городских переселений, несмотря на их стремительное развитие [12] и прямое влияние на выполнение плановых показателей колхозами. После 1991 года российские исследователи сосредоточили внимание на пространственной неоднородности [17] сельско-городской миграции как естественной для больших по площади государств с этнически неоднородным населением — переселении сельских жителей в крупные города и пригороды [3] и маятниковых миграциях [14; 15]. Сельско-городские миграции в Крыму выпали из поля зрения и украинских, и российских исследователей.

Выводы статьи основаны на базе данных показателей муниципальных образований, формируемой Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Эти данные позволили оценить урбанизированность полуострова, но не в полной мере, поскольку сельские населенные пункты располагаются не только в муниципальных районах, но и в городских округах. Городские муниципалитеты легко вычленишь из статистики муниципальных районов, но городские округа представляют собой либо город, либо нескольких городских (например, Ялта и Алушка) или сельских населенных пунктов, поэтому городские округа были рассмотрены как городская местность. Также в исследовании

были использованы материалы полевых исследований сельских сообществ и агропромышленного комплекса в сельских районах Крыма в 2017–2019 годы (Красногвардейский и Симферопольский муниципальные районы).

Ретроспектива сельско-городских миграций населения Крыма

Миграционная активность зависит от уровня социально-экономического неравенства между территориями полуострова. До 1920-х годов пространственные различия развития не были столь существенны: в сельских уездах развивалось традиционное сельское хозяйство, в городах — ремесленные промыслы, мелкое промышленное производство, при соленых озерах — разработки соли. После установления советской власти на местах кустарных промыслов были созданы крупные промышленные предприятия (Камыш-Бунский горно-обогатительный железорудный комбинат им. С. Орджоникидзе, Перекопский промышленный узел) и новые города (Саки, Армянск, Красноперекопск). Позднее в припортовых зонах и Симферополе были построены более технологичные производства. Индустриализация полуострова повлекла миграцию сельских жителей в города.

В сельской местности также произошли резкие изменения: коллективизация и строительство обводнительно-оросительной системы позволила диверсифицировать сельскохозяйственное производство, в том числе в засушливых районах северного и восточного Крыма (например, исчезло хлопководство и появилось рисоводство) [2]. Но расширение хозяйств и высокий уровень заработной платы колхозников все равно были не соизмеримы с тяжелыми условиями труда, что способствовало вымыванию из сельской местности молодежи и квалифицированных специалистов и формированию прослойки мажоритарных мигрантов.

После перехода к рыночной экономике большинство колхозов обанкротились и исчезли, что привело к резкому росту безработицы и неформальной экономики, пауперизации сельских жителей, деградации инфраструктуры. В городах ситуация была более благоприятной: сохранилось большинство промышленных предприятий и разрасталась теневая экономика (торговля, услуги, туризм). Бегства сельских жителей в города не случилось, поскольку в сельской местности было легче выжить, например, перепрофилировавшись из бюджетника в животноводство (2). На протяжении 1990-х годов сельская местность подпитывалась за счет репатриации крымских татар, развернутой в последние годы существования Советского Союза. В результате в начале XXI века хозяйства населения стали абсолютными лидерами по производству сельхозпродукции.

Современное сельское хозяйство уже не зависит всецело ни от сельской местности, ни от сельского жителя. Изменение сельского уклада, появление возможности получения большего дохода при меньших трудозатратах в городской сфере услуг, создание крупных агропромышленных компаний в конце 2000-х годов обусловили постепенное сокращение производства

домашней экономики [7]. Если в растениеводстве сельхозпредприятия быстро вышли в лидеры, то в животноводстве хозяйства населения все еще доминируют, что связано, прежде всего, с этническими особенностями полуострова — животноводство сконцентрировано в традиционных личных подсобных хозяйствах крымских татар, а представители других этносов все чаще предпочитают работу в ближайшем поселке городского типа или городе с развитой сферой услуг. Однако и крымскотатарская молодежь все реже соглашается продолжить «дело отца» и уезжает в более крупные населенные пункты или город [8].

Транспортный фактор в миграциях населения

Исследователи современных миграционных трендов на Крымском полуострове [1; 13; 16] редко рассматривают пространственные особенности миграции внутри региона. Интеграционные (в Россию) и дезинтеграционные (из Украины) процессы изменили характер социально-экономического развития региона. Установление пограничного контроля между Крымом и Херсонской областью и завершение строительства автомобильно-железнодорожного перехода между Крымом и Кубанью снизили проницаемость границ региона с Украиной и повысили — с российскими регионами, что изменило миграционную систему, в которой с 1991 года существовал полуостров. Районы северного Крыма (городские округа Армянск и Джанкой, Красноперекопский и Джанкойский районы) из зон межрегионального транзита и полупериферии стремительно стали глубокой периферией, а прежде депрессивный восточный Крым (Ленинский район, городской округ Керчь) стал транспортным хабом, связывающим Крым с внешним миром (аналогичные процессы характерны для Краснодарского края). Трансформация миграционных потоков забрала ряд функций и снизила привлекательность локальных центров, но не всех. Так, если транзитный статус Джанкоя, ранее расположенного на основном оживленном ходе Приднепровской железной дороги (3), практически полностью перешел к Керчи, то Армянск и Красноперекопск, находящиеся на малодетальном неэлектрифицированном участке, сохранили свою миграционную привлекательность.

Рассмотрим интенсивность пассажирского железнодорожного сообщения через главные транспортные узлы, на которые приходился практически весь межрегиональный трафик (на Украине железнодорожный транспорт остается ключевым видом для мигрантов в силу дешевизны, стабильности и возможности избежать оплаты (4)). В начале 2014 года через Джанкой проходило более 50 пар пассажирских и грузовых поездов дальнего следования, 3 пары пригородных поездов межрегионального сообщения и 2 пары согласованных пригородных поездов в сторону Херсонской области в сутки. Через Армянск проходило до 10 пар пассажирских и грузовых поездов дальнего следования, 1 пара межрегиональных поездов и 2 пары согласованных пригородных поездов до Херсона. Керчь была окончанием тупиковой

железнодорожной линии, по которой следовали 3 пары пригородных поездов, 1 пара межрегионального поезда и 1 пара регионального поезда (пассажирских поездов дальнего следования не было), а связь с Краснодарским краем осуществлялась через «малодеятельную» паромную переправу.

К началу 2021 года ситуация радикально изменилась: значение железнодорожного транспорта постепенно уменьшается из-за периода тотальных отмен пригородных поездов 2015 года во время «энергетической блокады Крыма», закрытия железнодорожного сообщения с Украиной, активного развития сети автостанций и автобусных маршрутов. Джанкой сохранил статус лишь локального центра, лишившись межрегионального транзита, — через город проходят более 10 пар пригородных поездов, развивается автобусное сообщение с городами Украины (около 3–4 пар в сутки) и неформальные транспортные услуги. Армянск стал конечным пунктом железнодорожных маршрутов из Джанкоя и Феодосии (3 пары), но обрел статус связывающего звена между Крымом и Украиной из-за близости к границе с Херсонской областью, существует автобусное сообщение с Херсоном (2 пары). Потерянные Армянском и Джанкоем функции легли на Керчь после открытия Крымского моста: через город проходит более 5 пар поездов дальнего следования, 7 пар пригородных поездов и более 10 пар автобусных маршрутов.

Основной приток ежедневных мигрантов приходится на столицу Крыма — Симферополь — с постоянно функционирующей сферой услуг. В 2007 году на трех утренних электропоездах со стороны Джанкоя и двух электропоездах со стороны Бахчисарая ежедневно приезжало около 6 тысяч человек, в 2014 — около 4 тысяч, в 2021 — только 3 (5). Но снижение объема мигрантов не свидетельствует о затухании маятниковой миграции — причина в активном развитии пригородного автобусного сообщения и снижении скорости электропоездов из-за изношенности железнодорожной инфраструктуры и мероприятий по ее реконструкции. В 2010-е годы основной поток маятниковой миграции пользовался междугородним и пригородным автобусным транспортом. По оценкам властей, за счет маятниковой миграции население городского округа Симферополь увеличивается в будние дни в 2–2,5 раза — с 362 до 600–650 тысяч человек, поскольку Симферополь — основное место работы для жителей соседних сельских районов (Симферопольского, Белогорского, Бахчисарайского, Красногвардейского) в будние дни, а в выходные же он выполняет сервисные функции [22].

Изменение векторов основных транспортных маршрутов ускорило трансформацию внешних и внутренних направлений миграции. Конечно, миграционную ситуацию в районах определяют природные, экономические, социальные, этнические и другие факторы, но постоянные транспортные связи вносят в нее важную лепту. Например, сокращение длительности поездки на железнодорожном транспорте после реконструкции инфраструктуры увеличивают интенсивность маятниковых миграций и усиливают связи города с окружающими сельскими территориями.

Другие факторы миграционных перемещений

Стабильное транспортное сообщение сельских территорий и городов — лишь один из факторов маятниковой (трудо­вой/учебной) миграции. Другими факторами выступают дефицит рабочих мест в сельской местности и ее профицит в городах, изменение сельского уклада, повлекшее сокращение аграрного производства в домохозяйствах, невозможность реализации молодежью своего потенциала на селе. Маятниковая миграция возникла не в 1990-е годы, а еще в советский период — вследствие тяжелых условий труда в колхозах и низкого уровня заработной платы. Колхозная номенклатура пыталась препятствовать оттоку рабочей силы, но «бесплатная» жилая площадь, «доплаты» и премии не могли удержать молодое образованное население в сельской местности.

В 1990-е годы, напротив, наметилось свертывание маятниковой миграции в условиях социально-экономического кризиса в Украине. Безработица захлестнула не только сельскую местность, но и города: сельские жители, ранее работавшие в колхозах, и маятниковые мигранты, потерявшие работу в результате банкротства государственных предприятий и сокращений в городах, перешли в неформальное сельское хозяйство и торговлю. В первое постсоветское десятилетие миграционная мобильность резко снизилась. Сельско-городские миграции не прекратились, но все чаще сельские жители покидали свой населенный пункт лишь для решения бытовых проблем. На это влияла и пауперизация селян, и сокращение пригородного автобусного и железнодорожного сообщения, и низкий уровень автомобилизации, и работа в сельском хозяйстве, требующая ежедневной полной занятости, и рост уровня бедности в городах. Особой группой, пополняющей сельское население в 1990-е годы, были репатрианты, которым земельные участки под индивидуальное строительство предоставлялись чаще в сельских населенных пунктах. Недовольство репатриантов этим фактом породило «поляны протеста» в пригородной зоне Симферополя [30]. Все эти обстоятельства способствовали росту доли селян в населении Крыма на протяжении 1990-х годов (Рис. 1) — рурализация была характерна и для других регионов Украины и России («*в селе выжить было легче*»). Хозяйства сельского населения стали основным поставщиком сельхозпродукции.

Однако уже в 2000-х годах миграционный тренд изменился: социально-экономическая ситуация стабилизировалась, в городах начал развиваться третичный сектор, требующий большое количество неквалифицированной дешевой рабочей силы. Сельские жители осознали возможность избавиться от рискованного аграрного бремени и стали переезжать в города. Сначала тренд коснулся пригородных зон, но в конце 2000-х годов распространился и на полупериферийные районы. Резкой миграционной убыли в селах не произошло, потому что у селян не было средств для покупки недвижимости и переезда в город. Однако произошел закономерный слом сельского сознания — при первой же возможности население отказывалось от вынужденного выбора «без выбора» 1990-х годов, т.е. от ведения личного подсобного хозяйства, что прослеживается в динамике сельскохозяйственного производства (особенно

животноводства), где в 2000-е годы началось постепенное сокращение доли хозяйств населения, продолжающееся до сих пор.

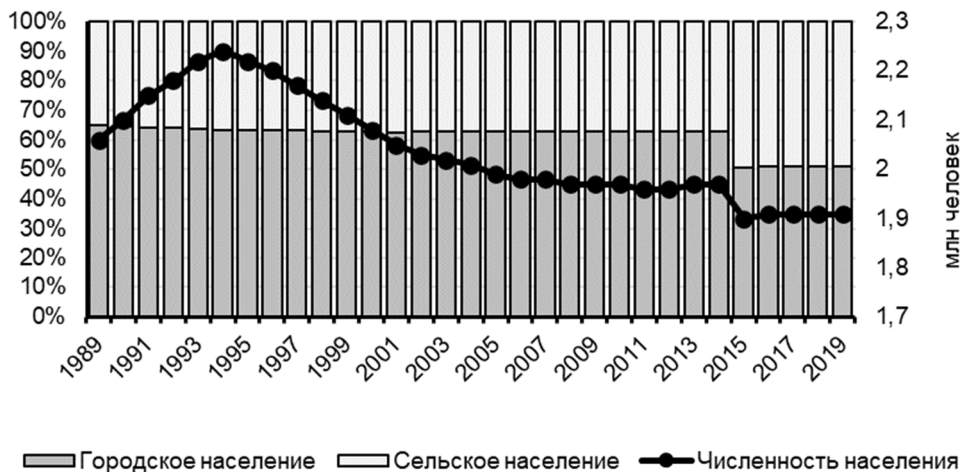

Рис. 1. Соотношение сельского и городского населения Крыма (6)

Поскольку основным миграционным аттрактором стали городские округа Крыма, рассмотрим динамику структуры прибывающих в города мигрантов. В последние годы доля мигрантов, переезжающих в города, уменьшается (Рис. 2) за счет сокращения численности мигрантов трудоспособного возраста при медленно возрастающей доле несовершеннолетних и людей преклонного возраста.

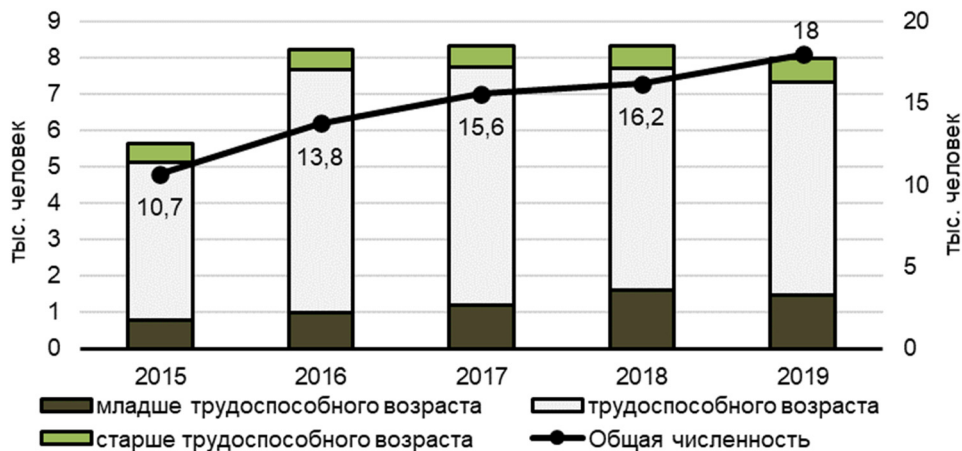

Рис. 2. Возрастная структура прибывшего местного населения в городские округа Крым (слева) и общая численность прибывших (справа) (2015–2019) (7)

Подобная ситуация может быть объяснена восстановлением социальной и транспортной инфраструктуры, предпринимательской активностью в сельской местности и поддержкой местных товаропроизводителей, которые создают дополнительные рабочие места в депрессивных периферийных

районах (в первую очередь — степной зоны). Но насколько долгосрочной будет подобная ситуация — неизвестно, и заверения региональной власти о том, что урбанизация остановилась (8), вряд ли окажется окончательным уже в скором времени. Подводить черту под современной миграционной ситуацией региона преждевременно. Миграционные тренды внутри Крымского полуострова еще неустойчивы, поскольку он только встраивается в общероссийскую миграционную систему (Табл. 1). Хотя некоторые группы населения, например, крымские татары, пока миграционно скованны и не готовы к этому. Совсем недавний запуск Крымского автомобильно-железнодорожного моста только начинает вносить свои коррективы в миграционную ситуацию.

Таблица 1

Коэффициент миграционного прироста в муниципальных образованиях Крыма, 2014–2019 (7)

Муниципальные образования	Коэффициент миграционного прироста (чел. на 10 тыс. жителей в год)						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Среднее
г.о. Симферополь	48,1	120,2	159,4	39,1	-2,5	21,9	64,4
г.о. Алушта	131,9	251,5	116	150,5	114,1	150,5	152,4
г.о. Армянск	77	14,3	18,8	-41,4	-50,9	-12,1	0,9
г.о. Джанкой	87,3	134,7	-1,5	62,8	-13,4	-19,5	41,7
г.о. Евпатория	141,1	37,6	29,3	91,2	114	86,9	83,4
г.о. Керчь	158,5	149,1	121,7	130,8	98,5	110,6	128,2
г.о. Красноперекоск	81,1	-42,9	-84,9	-63,6	-54,6	-37,7	-33,8
г.о. Саки	113,3	29,4	-38,1	28,1	44,8	59,9	39,6
г.о. Судак	215,6	10,5	53,1	48,7	22,9	-61,2	48,2
г.о. Феодосия	121,5	37,7	27,7	75,7	79	73,6	69,2
г.о. Ялта	167,3	239,8	190,7	72,6	62,4	42,3	129,2
Бахчисарайский район	26,5	-27,2	-47,3	-78,3	-68,5	74,7	-20
Белогорский район	26	22,8	23,5	11,4	-0,7	32,9	19,3
Джанкойский район	45,6	-68	-105,2	-79,3	-67,3	-36,9	-51,8
Кировский район	70,8	73,4	-21,7	68,1	62,2	49,5	50,4
Красногвардейский район	64,5	153,7	45,3	6,1	-24	-3,3	40,4
Красноперекоский район	38,4	-39,9	-77,6	-84,9	-31,2	-40,3	-39,2
Ленинский район	25,8	-51,1	-76,1	-60,5	-41,2	-22,1	-37,5
Нижегорский район	29,5	10,9	-11,3	-70,4	-34,5	43	-5,5
Первомайский район	39,6	-58,1	-88,8	-102,3	-123,4	-73,7	-67,8
Раздольненский район	100,9	47,2	-14,3	-9,5	-26,3	-38,5	9,9
Сакский район	85,4	1	-23,7	63,5	47,2	123,9	49,5
Симферопольский район	87,7	213,8	140,4	151,5	80,4	92,8	127,8
Советский район	50,8	-14,1	-75,9	-34,1	-28,5	-32,2	-22,3
Черноморский район	74,8	12,1	-53	85,5	59,8	83,4	43,8

Хотя нас интересуют исключительно перемещения внутри полуострова, следует кратко охарактеризовать и внешние миграции, где на рубеже XX–XXI веков произошли перемены, сделавшие их менее значимыми для социально-экономического развития полуострова. С момента появления первых статистических сведений о населении внешние миграции оказывали существенное влияние на социально-экономическую ситуацию, хотя так было и до 1783 года, но до этого момента нельзя было точно оценить масштабы миграций и силу их воздействия на экономику и социальные процессы [9]. Начиная с 2000-х годов внутренние перемещения стали более масштабными и значимыми, а внешние миграции важны на локальном уровне — подпитывают постепенно теряющую население сельскую местность (Рис. 3). Например, Крымский полуостров теснит соседний Краснодарский край в перечне регионов-лидеров, куда стремится переехать пожилое население из северных регионов после выхода на пенсию. Приток мигрантов наблюдается и в перенасыщенные приморские районы, и в степные поселки городского типа с необходимой инфраструктурой (здравоохранение, образование, магазины и пр.).

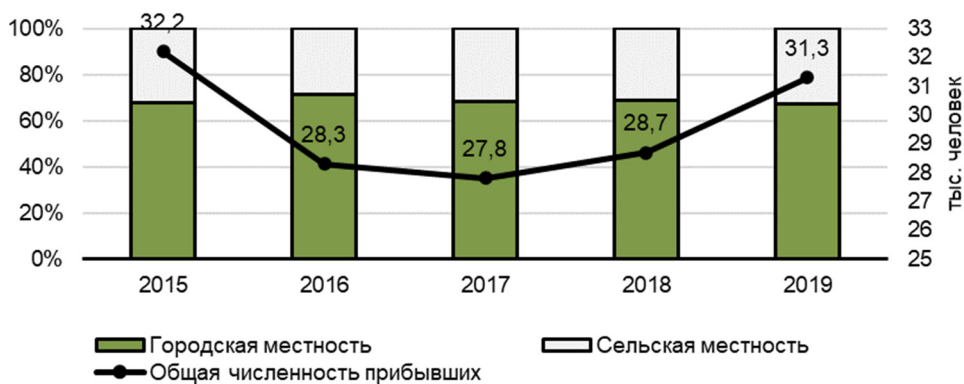

Рис. 3. Численность прибывших разных категорий (тыс. чел.) (6)

Классификация территорий по характеру миграции населения

Социально-экономическая неоднородность территорий определяет миграционные различия: активно развивающиеся населенные пункты перетягивают население из окружающей периферии и полупериферии, которые теряют своих жителей. Однако на Крымском полуострове не все города — аттракторы и не все сельские районы — зоны миграционного оттока. Можно разделить крымские муниципалитеты на четыре типа по миграционным тенденциям (на основе данных за 2014–2019 годы): районы миграционного голода, районы миграционной стабильности, районы миграционного насыщения и миграционные аттракторы (Табл. 2).

Сельские аграрные районы — основные миграционные доноры для экономически развитых муниципалитетов — относятся к *первому типу* (нет миграционного прироста). Эти районы расположены в степной зоне с засушливым климатом, страдают от дефицита воды не только для хозяйственных, но

и для бытовых целей. Их основная хозяйственная специализация — традиционное для черноземной зоны растениеводство и молочное животноводство. Закрытие подачи воды по главной водной артерии полуострова — Северо-Крымскому обводнительно-мелиоративному каналу — заставило пересмотреть хозяйственную специализацию целых районов и личных подсобных хозяйств. Последние внесли значительный вклад в миграционную убыль, поскольку огородничество для многих домохозяйств было основным источником дохода. Кроме сельской периферии к данному типу относятся депрессивные старопромышленные города (Красноперекопский промышленный узел [23]) с относительно высоким уровнем безработицы, расположенные на севере Крыма.

Таблица 2

Классификация муниципальных образований Крыма по миграционному приросту (убыли) населения (б)

Тип	Миграционный прирост в год, чел. на 10 000 жителей	Муниципальные образования	Особенности социально-экономического развития
Районы миграционного голода	-62	Первомайский, Джанкойский, Ленинский, Красноперекопский, Бахчисарайский, Красноперекопск, Армянск, Советский, Нижегородский	Старые аграрные районы с низкопродуктивным земельным фондом и аграрным перенаселением, старопромышленные города
Районы миграционной стабильности	28,4	Белогорский, Раздольненский, Сакский, Саки, Черноморский	Районы трансформации хозяйственной специализации (с аграрной на аграрно-рекреационную)
Районы миграционного насыщения	60,2	Красногвардейский, Кировский, Джанкой, Феодосия, Судак, Симферополь, Евпатория	Районы транспортного транзита, города с развивающейся сферой услуг
Миграционные аттракторы	140,1	Керчь, Симферопольский, Ялта, Алушта	Приморские районы с развитой сферой услуг и развивающимся строительным сектором, районы миграционного обмена

Ко *второму типу* относятся приморские и предгорные районы, в которых наблюдается миграционная стабильность — миграции почти не влияют на динамику численности населения (миграционный прирост — от 0 до 50 человек на 10 тысяч населения в год). Сегодня эти районы переживают изменения хозяйственной специализации — к традиционной аграрной добавляется рекреационная, что обусловлено стагнацией аграрного производства и изменением образа жизни сельского населения. В группу *районов миграционного насыщения* входят средние по численности города с развивающейся сферой услуг, транзитные транспортные узлы и примыкающие к ним аграрные районы. *Миграционные аттракторы* — муниципалитеты Южного берега Крыма (привлекательны и для жителей из других регионов), части Симферопольской

агломерации, прилегающие к Симферополю, но с более низкими ценами на жилье, и Керчь — главное связующее звено полуострова с другими регионами России.

Приведенная классификация несколько условна, потому что миграционная ситуация в районах Крыма неустойчива, как и, например, в депрессивных районах Нечерноземья, и уже наметился тренд на увеличение дистанции между районами-реципиентами и районами-донорами.

Изменение страновой принадлежности Крымского полуострова привело к закономерному изменению миграционной ситуации: северные районы, ранее служившие зоной транзита и предоставлявшие сервисные услуги, постепенно превращаются в депрессивные «медвежьи углы» с преимущественно сельскохозяйственной специализацией, поскольку функции транзита перешли к прежде депрессивному и депопулирующему Восточному Крыму, что может стать в будущем драйвером его развития. Миграционная ситуация постепенно стабилизируется: вследствие нарастания различий социально-экономического развития формируется периферия, теряющая население, и центры, в которые оно перемещается (Рис. 4), причем до 2014 года процесс нарастания центр-периферийных различий не был столь выраженным.

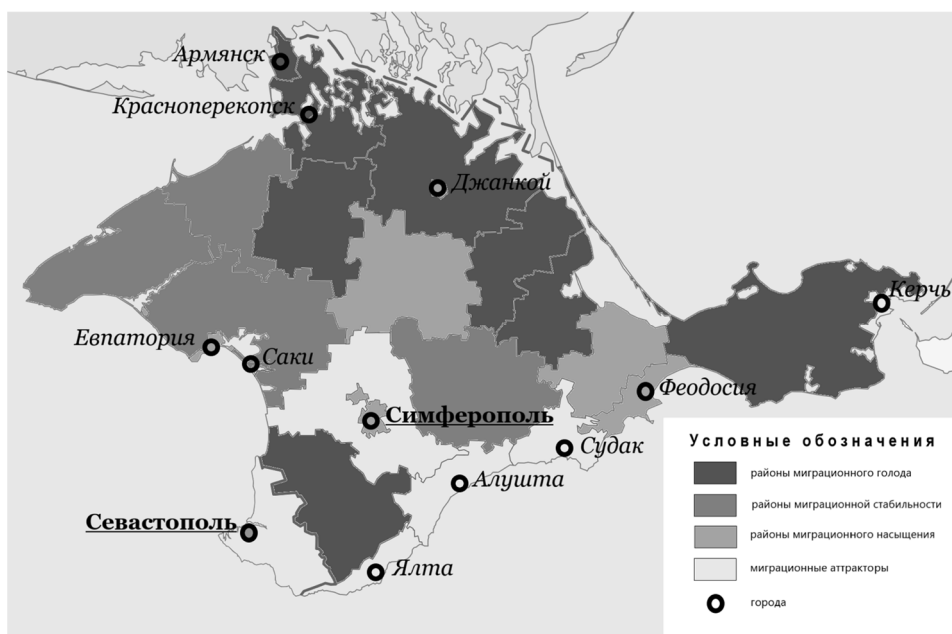

Рис. 4. Муниципальные образования Крыма по миграционному приросту/убыли населения (6)

Главным типом миграционного движения населения являются ежедневные маятниковые миграции: дефицит предложений на рынке труда в сельской местности заставляет население ежедневно приезжать в города для работы и

получения образования. Главным фактором, стимулирующим раскачивание маятника миграций, служит развитие и стабильное функционирование системы общественного транспорта (автобусного, железнодорожного и морского — в Севастополе). Значение внешних миграций в жизни Крыма постепенно снижается, несмотря на медленный рост числа мигрантов из регионов России и Украины, которые равномерно распределяются по территории полуострова.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Примечания

- (1) Составлено автором по материалам печати.
- (2) С 1996 до начала 2000 года в сфере образования и здравоохранения заработная плата выплачивалась в натуральной форме (продукцией государственных предприятий — сахар, крупы, бытовая техника, мебель и другие товары), а, развивая собственное хозяйство, можно было получить наличные деньги.
- (3) Региональный филиал АО «Украинская железная дорога», в который до 2014 года входили железные дороги Крымского полуострова.
- (4) Маятниковые миграции в Крыму не изучались до 2014 года. В таких исследованиях будет необходимо учесть, что для перемещений маятниковые мигранты использовали не только пригородные поезда, но и поезда дальнего следования (Симферополь — Луганск, Симферополь — Одесса) по договоренности с проводниками, без билета.
- (5) По оценкам автора.
- (6) Составлено автором по данным статистики. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm; Населения Украины // URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/MULT/Dialog/statfile_c.asp.
- (7) Составлено автором по материалам Росстата // URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst35/DBInet.cgi>.
- (8) Урбанизация в Крыму остановилась — глава Госсовета // URL: <https://regnum.ru/news/2269378.html>.
- (9) Внешние по отношению к Крымскому полуострову.

Библиографический список

- [1] *Абылкаликов С.И., Сушко П.Е.* Роль миграции в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2.
- [2] *Багрова Л.А., Боков В.А., Багров Н.В.* География Крыма. К., 2001.
- [3] *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ, 2014.
- [4] *Вежен С., Троцук И.В.* Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 4.
- [5] *Вежен С., Троцук И.В.* Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 5.
- [6] *Григоричев К.В.* Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. 2017. № 1.
- [7] *Гусаков Т.Ю.* Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.

- [8] Гусаков Т.Ю. Современные особенности образа жизни и подвижности крымскотатарского населения в степной зоне Республики Крым // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты. Т. 1. Воронеж, 2019.
- [9] Гусаков Т.Ю. Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник. 2019. № 4.
- [10] Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е годы // Региональные исследования. 2017. № 2.
- [11] Емельянова Н.В., Серебренников Е.Н. Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестник ЗГУ. 2016. Т. 22. № 6.
- [12] Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
- [13] Мамина Д.А., Мищенко Д.Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 4.
- [14] Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2.
- [15] Между домом и ...домом. Возрастная пространственная мобильность населения России / Под ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г. М., 2016.
- [16] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе: экспертный доклад 2015 г. Симферополь, 2016.
- [17] Мкртчян Н.В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 3.
- [18] Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М., 2013.
- [19] Петров В.П. К вопросу о миграционном потенциале крымских татар и перспективах репатриации // Ученые записки ТНУ. 1999. № 11.
- [20] Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
- [21] Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013.
- [22] Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «городской округ Симферополь» Республики Крым на период до 2030 года // URL: <https://vk.cc/c0Umdq>.
- [23] Тарасова Н.В. Экономические и экологические проблемы развития Красноперекопского промышленного узла. Формирование и развитие территориально-производственных комплексов. Киев, 1984.
- [24] Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1.
- [25] Johansson M. Young women and rural exodus — Swedish experiences // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 43. No. 1.
- [26] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopian visions of contemporary rural-urban Russia // Third World Thematics: A TWQ Journal. 2017. Vol. 1. No. 5.
- [27] Rowles G.D., Watkins J.F. Elderly migration and development in small communities // Growth and Change. 1993. Vol. 24. No. 4.
- [28] Smith D.P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education // Children's Geographies. 2014. Vol. 12. No. 1.
- [29] Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas // Journal of Rural Studies. 2013. Vol. 32.
- [30] Uehling G.L. Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return. Palgrave, 2004.
- [31] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-279-295

Rural-urban migration on the Crimean Peninsula*

T.Yu. Gusakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Abstract. Despite the wide popularity of the Crimean region, its scientific descriptions are full of gaps. In the Soviet period, the research was limited by the unspoken prohibitions on the study of social processes and by the absence of a strong scientific school. After the collapse of the USSR, the Crimean region was considered only in the works on social aspects of migration and on artificial transformations of the ethnic-confessional composition of the population. The change in the status of the Crimean Peninsula in 2014 made this region interesting for the Russian science: there are many recent articles on the features of the social-economic development of the peninsula, but a number of issues in the life of Crimea are still poorly understood. One of them is the migration on the peninsula: the historical ethnic migrations are sufficiently described but not the contemporary population movements. Historically, migration processes have played an important role in the social-economic development of Crimea. However, until recently, external migrations were the driver of this development, while since the beginning of the 21st century, migration movements within the peninsula have played this role, and their features should be taken into account in planning and financing the rural development. Rural areas of Crimea remain agrarian-overpopulated; therefore, it is necessary to identify areas promising for capital investment and areas that soon will be depopulated due to the lack of opportunities for human and social capital. The author considers the population exchange between urban and rural areas as an important factor for the demographic situation, and focuses on the reasons and features of the spatial mobility and migration of the Crimean population based on the analysis of statistical data and transport links between the city and the countryside.

Key words: social geography; rural geography; rural areas; population migration; rural-urban migration; urbanization; rural-urban continuum

Funding

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

References

- [1] Abylkalikov S.I., Sushko P.E. Rol migratsii v formirovanii naseleniya Kryma [The role of migration in the formation of the population of Crimea]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
- [2] Bagrova L.A., Bokov V.A., Bagrov N.V. *Geografiya Kryma* [Geography of Crimea]. Kiev; 2001. (In Russ.).
- [3] Breslavsky A.S. *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Nauch. red. M.N. Baldano. Ulan-Ude; 2014. (In Russ.).
- [4] Wegren S., Trotsuk I.V. Paradoksy razvitiya lichnogo podsobnogo khozyaystva v sovremennoy Rossii [The paradoxes of smallholders in contemporary Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (4). (In Russ.).

* © T.Yu. Gusakov, 2021

The article was submitted on 22.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [5] Wegren S., Trotsuk I.V. Ustoychivo li promyshlennoe selskoe khozyaystvo v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i ekologicheskikh ugroz? [Is industrial agriculture sustainable during climate change and ecological threats?]. *Economic Sociology*. 2020; 21 (5). (In Russ.).
- [6] Grigorichev K.V. Subregionalnye migratsii i formirovanie prigoroda sibirskogo goroda [Subregional migrations and the formation of a Siberian city's suburb]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2017; 1 (3). (In Russ.).
- [7] Gusakov T. Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
- [8] Gusakov T. Sovremennye osobennosti obraza zhizni i podvizhnosti krymskotatarskogo naseleniya v stepnoy zone Respubliki Krym [Contemporary features of the lifestyle and mobility of the Crimean-Tatar population in the steppe area of the Republic of Crimea]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy geograficheskoy nauki: demografichesky, sotsialny, pravovoy, ekonomicheskyy i ekologicheskyy aspekty*. Vol. 1. Voronezh; 2019. (In Russ.).
- [9] Gusakov T. Etnicheskiye migratsii na Krymskom poluostrove (1783–2014 gg.) [Ethnic migrations on the Crimean Peninsula (1783–2014)]. *Geographical Bulletin*. 2019; 4. (In Russ.).
- [10] Denisov E.A. Migratsionnye protsessy v gorodakh rossiyskogo Severa v 1990–2010-e gody [Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2000s]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
- [11] Emelyanova N., Serebrennikov E. Sotsialno-demograficheskaya otsenka kachestva zhizni naseleniya Irkutskoy aglomeratsii [The social-demographic assessment of the life quality in the Irkutsk agglomeration]. *Vestnik ZGU*. 2016; 22 (6). (In Russ.).
- [12] Zayonchkovskaya Zh.A. *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement]. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [13] Mamina D.A., Mishchenko D.N. Etnopoliticheskie faktory vnutrenney migratsii v Respublike Krym [Ethnic-political factors of internal migration in the Republic of Crimea]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020; 9 (4). (In Russ.).
- [14] Makhrova A.G., Babkin R.A. Analiz pulsatsiy sistemy rasseleniya Moskovskoy aglomeratsii s ispolzovaniyem dannykh sotovykh operatorov [Analysis of settlement pulsations in the Moscow agglomeration based on the mobile operators' data]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2018; 2. (In Russ.).
- [15] *Mezdu domom i ...domom. Vozrasnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and ...Home. Age Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod. red. T.G. Nefedovoy, K.V. Averkievoy, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [16] *Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymskom federalnom okruge* [Inter-Ethnic Relations and Religious Situation in the Crimean Federal District. 2015]. Simferopol; 2016. (In Russ.).
- [17] Mkrtychyan N.V. Migratsiya v selskoy mestnosti Rossii: territorialnye razlichiya [Migration in rural areas of Russia: Territorial differences]. *Naselenie i Ekonomika*. 2019; 3. (In Russ.).
- [18] Nefedova T.G. *Desyat actualnykh voprosov o selskoy Rossii: otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [19] Petrov V.P. K voprosu o migratsionnom potentsiale krymskikh tatar i perspektivakh repatriatsii [On the migration potential of the Crimean Tatars and the prospects for repatriation]. *Uchyonye Zapiski TNU*. 1999; 11. (In Russ.).
- [20] Rybakovsky L.L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Theoretical Issues)]. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [21] *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Social-Economic Geography: Concepts and Terms]. Slovar-spravochnik. Otv. red A.P. Gorkin. Smolensk; 2013. (In Russ.).
- [22] *Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya "gorodskoy okrug Simferopol" Respubliki Krym na period do 2030 goda* [Strategy of the Social-

- Economic Development of the Municipality of the Urban District of Simferopol of the Republic of Crimea for the period up to 2030]. URL: <https://vk.cc/c0Umdq>. (In Russ.).
- [23] Tarasova N.V. *Economicheskie i ekologicheskie problemy Krasnoperekopskogo promyshlennogo uzla. Formirovanie i razvitie territorialno-proizvodstvennyh kompleksov* [Economic and Environmental Problems of the Krasnoperekopsky Industrial Hub. Formation and Development of the Territorial-Production Complexes]. Kiev; 1984. (In Russ.).
- [24] Treivish A. Selsko-gorodskoy kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostranstvennoy mobilnostiyu naseleniya [The rural-urban continuum: Destiny of the notion and its link to the spatial mobility of population]. *Demographic Review*. 2016; 1. (In Russ.).
- [25] Johansson M. Young women and rural exodus — Swedish experiences. *Journal of Rural Studies*. 2016; 43 (1).
- [26] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopian visions of contemporary rural-urban Russia. *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2017; 1 (5).
- [27] Rowles G.D., Watkins J.F. Elderly migration and development in small communities. *Growth and Change*. 1993; 24 (4).
- [28] Smith D.P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education. *Children's Geographies*. 2014; 12 (1).
- [29] Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas. *Journal of Rural Studies*. 2013; 32.
- [30] Uehling G.L. *Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return*. Palgrave; 2004.
- [31] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).